

*Волковский Николай Лукьянович,
профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия.*

**ЦЕНЗУРА НА ТЕАТРЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904 –
1905 ГОДОВ**

Аннотация. В статье рассматривается структура и деятельность военной цензуры России на театре Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, раскрываются особенности её взаимодействия с представителями прессы, анализируются причины просачивания военных секретов на страницы печати.

Ключевые слова: военная цензура, перечень сведений, корреспонденты, пресса, сообщения, военные действия, нарушения.

**CENSORSHIP IN THE THEATER OF THE RUSSIAN-JAPANESE
WAR 1904 - 1905**

*Nikolai Lukianovich Volkovskiy, professor,
Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Embankment 7/9,
Saint Petersburg, 199034, Russia .*

Annotation. The article examines the structure and activities of Russia's military censorship in the theater of the Russo-Japanese War of 1904-1905, reveals the specifics of its interaction with the press, analyzes the reasons for the seepage of military secrets to the pages of the press.

Key words: military censorship, list of information, correspondents, press, messages, military actions, violations.

Цензура значительно облегчается на войне популярной и подготовленной в умах населения и армии.

(Из секретной записки, составленной цензурным отделением штаба А. И. Куропаткина в конце Русско-японской войны 1904 – 1905 гг.)

Вступивший на российский престол в 1881 году Александр III в 1882 году утвердил новые «Временные правила», усилившие фактически вернувшие предварительную цензуру, давшие министру внутренних дел право прекращать издания газет и журналов. Раздел «Особые наставления» этого нового цензурного установления касался порядка контроля материалов военного характера. Им запрещались статьи, «оскорбительные для чести русского воина» или «могущие поколебать понятие дисциплины и уважение к ней» и т. п. Как и раньше, новые «Временные правила» дополнялись правительственными указаниями по поводу сохранения различных военных секретов. Так, циркуляром Главного управления по делам печати МВД от 7 мая 1882 года запрещалось публиковать какие-либо сообщения об инженерных работах на наших границах [6, Л. 129]; другой циркуляр этого же ведомства, датированный 18 декабря 1885 года, указывал, «чтобы в периодических изданиях отнюдь не были дозволены к печати сведения, касающиеся развития боевой готовности (как-то: кредитов на различные военные потребности, постройки железных дорог, укрепления судов, дислокации и передвижения войск, усиления их состава или упряжи лошадей и пр.), а равно как и совокупных упражнений войск (толкуемых корреспондентами совершенно превратно). Все подобные сведения должны быть заимствованы исключительно из «Русского инвалида» [6, Л.182].

Другими циркулярами запрещалось публиковать сведения об иностранных подданных, состоящих на железнодорожной службе [6,143], известия о назначении пенсий раненым сербским добровольцам [6, 118] или «чтобы редакции повременных изданий не помещали известий, могущих объяснить наши силы, сосредотачиваемые к китайским границам, и статей, выясняющих слабые стороны нашей обороны в Приамурском крае» [6, 99].

Все эти и другие указания цензорам дополняли «Особые наставления», которыми руководствовались в своей работе военные цензоры. Война началась 27 января 1904 года. Но цензурные комиссии на театре военных действий были учреждены только приказом заместителя генерал-адъютанта Алексева от 29 февраля 1904 года. Распределение работы между цензурными учреждениями было произведено только в марте 1904 года. Хотя круг деятельности цензуры расширялся, но точное указание категорий материала, подлежащего цензуре, было дано только в январе 1905 года. Была установлена цензура всех известий и статей, касающихся действий армии и флота, но не была урегулирована отправка частных телеграмм, и это нередко приводило к конфликтным ситуациям.

Присланный Главным штабом «Перечень сведений, касающихся военных действий и не подлежащих оглашению в печати» отзыв 28 апреля 1904 года за № 118 был несовершенен. В первом его пункте, например, запрещалась «критика распоряжений и действий начальствующих лиц» [7]. Таким образом, в перечне как бы делалось ударение, прежде, всего на недопущение критики.

Указания о не пропуске сведений, нежелательных с точки зрения Главного штаба, не были сведены в систему, а поступали в виде замечаний на уже пропущенные телеграммы, что ни для цензуры, ни корреспондентам не давало руководящих принципов, которыми можно было бы руководствоваться, пока сама практика не научила применяться к требованиям Главного штаба.

В числе указаний, дававшихся военной цензуре, были следующие: допускать похвальные отзывы, если только они не чересчур раболепны и приторны, во избежание подозрения публики, что они инспирированы; не допускать пренебрежительных отзывов о подарках, присылаемых в армию, что неудобно по отношению к тем, кто оказывает, как умеет, внимание армии; нежелательное помещение сведений об излишней величине в

войсковых обозов; нежелательное изображение в мрачных красках жизни города Харбина, производящего впечатление сплошного вертепа; нежелательное осуждение деятельности нашего консула в г. Чифу Тидемана [7, С. 1] . Подобные указания настолько связывали цензуру, что там, где придерживались их буквально, работа корреспондентов ставилась в невозможные условия за недостатком материала, о котором разрешено было писать.

С образованием трех армий цензура была предоставлена, наряду со штабом главнокомандующего, также штабам армий, и только когда обстоятельства указали на вредность децентрализации цензуры по армиям, была образована центральная цензура в виде цензурного отделения штаба главнокомандующего [5]. Однако существование этого отделения сразу не было урегулировано, что в первый период затрудняло его деятельность. Из-за спешного образования цензурных учреждений и отсутствия указаний для них в печать попадали известия (как с театра войны, так и получаемые в России), раскрывавшие очень много данных действительно секретного характера.

Часто это случалось из-за того, что цензура корреспонденций, предназначенных для печати в европейской части России, была изъята из ведения цензурных учреждений театра войны и лежала на обязанности цензурных комиссий в пункте выхода газет. Опыт показал, что в этих публикациях появлялись неоднократно сведения весьма секретного характера. Кроме того, цензура корреспонденций, присылаемых с войны, в месте выхода изданий лишало цензуру, находившуюся на войне, возможности контролировать корреспонденции лиц из состава армии, которые не утверждались в звании военных корреспондентов, так как газеты, в которых они выступали, не присылались в цензуру главнокомандующего, и, следовательно, проверить их работу не было возможности.

В официальном описании Русско-японской войны 1904 – 1905 годов причины просачивания военных секретов на страницы печати виделись и в том, что в России не было истинного понятия самой сущности военного секрета даже среди высших представителей русской армии [8]. Так, командующий 2-й маньчжурской армии генерал О. К. Гриппенберг в беседе с корреспондентом «Нового времени» сообщил, что генерал Куропаткин дал ему для проведения операций под Сандепу всего лишь 63 батальона, задержав в общем резерве 60 батальонов. Эти сведения, когда они были сообщены, носили особо секретный характер, так как раскрывали численность русских войск [4]. Также один из командиров корпусов прислал в редакцию газеты копию рапорта о положении дел в корпусе за два месяца войны, не считаясь с тем, что в рапорте приводились весьма секретные сведения [3]. В официальном описании Русско-японской войны 1904—1905 годов подобных примеров разглашения военных секретов приводится много.

Для допуска корреспондентов на театр военных действий и надзора за их деятельностью при штабе главнокомандующего было учреждено особое цензурное отделение во главе с полковником Генерального штаба Е. Ф. Пестичем. Приказом наместника за № 105 от 17 февраля 1904 года были установлены правила о военных корреспондентах [5]. Они требовали, чтобы печатный орган или агентство ручалось за благонадежность своего корреспондента. Подпись на документе об этом должна была быть засвидетельствована полицией. Так, по прибытии корреспондента Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПТА) К. С. Платонова военный цензор полковник Е. Ф. Пестич не допустил его к работе из-за отсутствия такого документа, заверенного полицией, о чем было сообщено в Санкт-Петербург. Судя по ответной телеграмме, эта требовательность цензора вызвала там резкую реакцию: «Харбин, полковнику Пестичу. Самый факт сношения министра финансов [3] с командующим армией свидетельствует о благонадежности Константина Степановича Платонова. Если нужно еще мое

ручательство, сим свидетельствую, что по соглашению министра финансов и генерал-адъютанта Куропаткина корреспондент СПТА К. С. Платонов вполне благонадежен. Подпись моя удостоверяется казенной печатью агентства на бланке от правительственной телеграммы. *Директор СПТА действительный статский советник П. Миллер*» [5].

Однако для подтверждения благонадежности своих сотрудников в других случаях руководству СПТА приходилось обращаться к полиции. Оттуда приходили необходимые сведения, как, например, следующее:

«...Вследствие письма от 29 января с. г. за № 45 имею честь уведомить... что о Никите Ивановиче Малаховском иных сведений, кроме участия его в 1899 году, в бытность студентом Петербургского университета, в недозволенных сходках по поводу устройства обструкции, в делах департамента полиции не имеется... *А. Богословский*» [5, Л.62].

Корреспонденции посылались не иначе, как с разрешения цензурных комиссий, учрежденных во всех населенных пунктах Российской империи, где имелись периодические издания. Помимо предварительной цензуры свобода корреспондирования была донельзя стеснена и ограничена еще постоянными замечаниями по поводу тех или иных корреспонденций, уже пропущенных в печать, со стороны Главного штаба, который заставлял цензурные отделения быть чрезвычайно осторожными. «Считаю долгом уведомить,— телеграфировал 12 декабря 1904 года в Санкт-Петербург корреспондент СПТА подполковник Генерального штаба В. Ф. Новицкий,— подвергаюсь большим стеснениям военной цензуры. Не имею возможности сообщать интересные сведения. Телеграммы бессодержательны, бесцветны. Не признаете ли полезным доложить министру финансов необходимость снестись с главнокомандующим для предоставления вашим корреспондентам некоторой свободы...». Однако и после этой телеграммы отношение военной цензуры к корреспонденциям представителя официального агентства не смягчилось. Его телеграммы от 12 и 13 января 1905 года главнокомандую-

ший приказал не пропускать, так как в них содержались «специальные военные сведения, не допускающие гласности» [5, Л. 99], хотя они и были разрешены цензором 2-й армии и утверждены ее командующим. «Главкомандующий запретил мне корреспондировать,— телеграфировал 19 января 1905 года директору СПГА В. Ф. Новицкий.— Прошу указания относительно оставшегося аванса, бланков» [5, Л. 127].

Главкомандующий генерал-адъютант А. И. Куропаткин крайне негативно относился к пребыванию в войсках представителей прессы и многочисленных иностранных наблюдателей. При штабе главнокомандующего не было принято мер по широкому ознакомлению представителей печати с условиями их допуска в действующую армию, не говоря уже о крайне неудовлетворительной постановке дела по утверждению корреспондентов, прибывших на театр военных действий. В первой половине кампании это делалось и штабом главнокомандующего, и штабом наместника [7, С. 8].

Из-за незнания условий допуска иностранных журналистов на эту войну, а они допускались по рекомендации иностранных правительств и нашего Министерства иностранных дел, целый ряд корреспондентов зарубежных органов печати не могли быть утверждены из-за отсутствия необходимых документов, «другие оказались несоответствующими своему положению» [7, С. 21] и были высланы. Но и после так называемой фильтрации к иностранным корреспондентам относились с большим недоверием.

Опасение иметь среди них шпионов выражалось в установлении усиленного за ними надзора, что вызывало в них ожесточение, плохо скрываемое чувство неприязни против лиц, которым было поручено общение с ними, а также отражалось на характере их корреспонденций и вызывало попытки избегать цензуры и посылать сообщения, минуя ее. Это вызвало ряд конфликтов с некоторыми из них: Мак-Кормик, Биндер фон Кригльштейн

были предупреждены, а Гвидо Пардо из «La Tribuna» и Эмерсон из «Collierg Weelly» и «Illustrierte Zeitung» были лишены права состоять корреспондентами: первый был выслан, а второй скрылся сам [1].

Между иностранными военными корреспондентами встречались люди, враждебно настроенные к России. Задерживать их до конца войны не представлялось возможным, а возвращение их до ее окончания, по мнению командования, могло принести еще больше вреда, как своими разоблачениями, так и раскрытием сведений секретного характера (последнее могло произойти даже не преднамеренно). Бывали случаи перехода иностранных корреспондентов на сторону противника. Так, например, было при отступлении русских войск под Плюном и Мукденом, где некоторые иностранные корреспонденты перешли к японцам. В таких случаях были опасения, что они могли принести русской армии вред, даже не преднамеренно, если противник познакомится с теми бумагами и заметками, которые у них могли конфисковать и осмотреть. У многих военных корреспондентов по возвращении с войны характер корреспонденций резко менялся и переходил в грубо и тенденциозно обличительны [7, 21].

«Конечно, желательно, чтобы контингент наших собственных корреспондентов был возможно выше и отвечал их на-значению»,— высказывал свое мнение руководитель цензурского отделения полковник Е. Пестич. В числе 102 русских военных корреспондентов было: офицеров действительной службы — 46, гражданских чинов — 4, врачей — 1, студент-медик — 1, студентов-переводчиков — 2, сестра милосердия — 1, лиц разных званий — 47 [7].

Однако из-за несовершенства российской цензуры факты преступного разглашения военной тайны были даже в армейской печати. Примером этого был сам орган главнокомандующего «Вестник маньчжурской армии». В нем печатались сообщения о прибытии на Дальний Восток различных воинских соединений, отчеты о расположении частей, приказы, содержавшие данные о

составе и состоянии различных корпусов и дивизий. Здесь же публиковалось множество объявлений о розыске военными родных и друзей. Эти объявления давались офицерами, называвшими свои адреса, что еще более раскрывало картину дислокации русских войск на Дальнем Востоке.

Работавшие на русско-японской войне журналисты писали о трудностях, которые были у них при ее освещении. Так, военный корреспондент «Нового времени» И. П. Табурно рассказывал: «Положение корреспондента на войне нелегкое. Разного рода учреждения и лица обо всех заботятся, всех там устраивают, но никто не подумал хоть сколько-нибудь облегчить корреспондентам их трудную задачу. Не говоря уже о том, что корреспондент зачастую не знает, где укрыть свою голову, так как все помещения заняты под военные и другие нужды, не находит, чем утолить свой голод,— он ни в ком не встречает стремления познакомить его с истинным положением дел. А ведь сколько упреков приходится выслушивать корреспонденту за каждое неверное сообщение,— но постарался ли хоть кто-нибудь помочь корреспонденту проверить те сведения, которые он почерпнул на стороне? Я обращался к главнокомандующему с просьбою учредить такое бюро, где бы корреспонденты могли проверять свои сведения. Было обещано учредить это бюро, но дело так и ограничилось одними обещаниями. Не мало лишений приходится испытывать корреспонденту при своей деятельности...» [9].

Это свидетельство журналиста указывало, насколько важно было иметь специальный отдел или хотя бы офицеров, которые бы при штабе главнокомандующего и штабах армий занимались работой с представителями прессы. Необходимо было организовать и место пребывания, куда бы корреспонденты возвращались после поездок в войска. «Там же им можно было предоставить скромный даровой стол, который бы не составил чувствительного расхода для казны»,— предлагал Е. Пестич.

Там, по его мнению, можно было бы сообщать корреспондентам военные известия от цензурного отделения [9, С. 23].

На важность последнего не раз указывали иностранные корреспонденты. Например, американский журналист Ричард Литл, представлявший «Чикаго Дейли Ньюс», в письме начальнику цензурного отделения полковнику Генерального штаба Е. Пестичу от 8 февраля 1905 года рассуждал: «Какова же задача цензуры — давать неверные сведения? Если ваше учреждение существует не для того, чтобы сообщать нам те сведения, которые признано желательным делать достоянием публики, то будьте столь любезны сообщить мне, кто и где тот официальный источник, к которому я мог бы обратиться за сведениями. Если такого учреждения в русской армии не существует, позвольте мне почтительнейше указать на желательность иметь таковой. В армии и в Мукдене часто случаются происшествия, ценные в описательном и художественном смысле, которые дали бы интересный материал для газеты и обнародование коих не может послужить ни удобству, ни помощью неприятелю и о коих информационное бюро, мною выше предложенное, могло бы осведомляться и сообщать заблаговременно корреспондентам — для оказания им помощи в их работе. Существуют факты, обнародование коих было бы преимуществом для русских, а не наоборот. Такие происшествия, как прибытие генералов в Мукден, праздничные дни, царские дни, полковые праздники, или появление японских пленных, или прибытие взятых в бою трофеев могли бы быть нам своевременно сообщаемы — дабы мы имели возможность являться с фотографическим аппаратом или карандашом и использовать тот интересный материал, ради которого мы сюда присланы. Ваше отделение не оказывало мне какой-либо помощи в этом отношении» [9].

В Японии еще до начала войны были выработаны основные цензурные меры на военное время, и, готовясь к нападению на Россию, правительство еще с августа 1904 года прекратило печатать в официальных изданиях все

назначения военных начальников и их перемещения [2]. Деятельность военных корреспондентов в японской армии была затруднена. Так, корреспондент «Frankfurter Zeitung» в телеграмме из Токио от 15 марта 1905 года сообщал: «По странности судьбы, большей части военных корреспондентов в этой замечательной стране можно сообщать обо всем, за исключением только войны. Не только объективное описание прошедшего какого-нибудь боя становится невозможным благодаря более чем осторожному образу действий японских властей, но даже и посылка кратких военных корреспонденций из Токио сильно затруднена японским правительством» [2].

С самого начала войны японцами были изданы цензурные постановления, которыми запрещалось писать все, что хоть сколько-нибудь касалось войны. «Конечно, в действительности этого нельзя было провести без нарушений,— говорилось в статье «Сохранение военной тайны», опубликованной в германском журнале «Der Ostasiatische Lloyd»,— и за год войны несколько редакций были обложены небольшими денежными штрафами за опубликование сведений, которые могли бы принести пользу неприятелю. Кроме того, в типографии японских и английских журналов постоянно заглядывали соглядатаи, хотя это было и излишней мерой, так как в каждой типографии (в этом сомневаться нельзя) работали полицейские шпионы под видом наборщиков, печатников или фальцовщиков. Если случайно в печать попадала статья, признанная впоследствии вредной, то полицейский чин обегал остальные газеты с оповещением, что статья, появившаяся в такой-то газете, запрещается. Нередко лишь таким путем раскрывался секрет. По этому поводу много смеялись, но японцам предоставляли всецело удовольствие действовать так, как они хотели по свойству своего характера...» [7, С. 8].

Существование в Японии очень осторожной и строгой цензуры подтверждала и американская печать. Так, американская газета «New York

Tribune» 2 июля 1905 года поместила статью «Тайна во время войны», в которой говорилось, что в числе факторов, содействовавших успехам японцев в эту войну, большое значение принадлежало скрытности. На этот вопрос у них был свой собственный взгляд, поэтому они прибегли к самой жесткой форме; наложив печать молчания на репортеров известий и деятелей прессы, довели эту систему до небывалых еще пределов. Это вызвало ожесточение корреспондентов, которые, будучи свидетелями великих событий, не имели права послать ни одной строчки описания их домой; нелегко было для печати, которая, конечно, желала обнародовать немедленно каждый ход этой великой борьбы; не удовлетворяли и публику, жадно искавшую подробных известий с театра одной из величайших войн последнего времени; но эти меры, вероятно, были весьма богаты последствиями при введении в заблуждение русских и в содействии успеху японской стратегии на суше и на море. Результативность мер по сохранению тайны видна в том, отмечала «New York Tribune», насколько неожиданно застигнут был врасплох русский флот и как быстро он был видимому, адмирал уничтожен в бою в Японском море. По-видимому, Рождественский совершенно не подозревал — да и никто вне Японии этого не подозревал, — что весь ее боевой флот будет сосредоточен в Корейском проливе. И поразительная легкость и решительность победы обязаны в значительной степени неожиданности...

«Какой будет вывод из всего этого для будущих войн — вопрос интересный и требующий размышлений,— подчеркивала американская газета.— Вряд ли уроком этим пренебрегут. Надо вспомнить, что и Нельсон, и Веллингтон, оба настоятельно убеждали прессу в отношении военных вопросов хранить молчание и жаловались, что газеты очень помогали противнику в раскрытии плана кампании, численности и расположения боевых сил. Во время франко-германской войны то же самое случилось неоднократно; в испано-американскую войну опасность поражения угрожала

американцам вследствие тех же причин, если бы только Испания имела возможность воспользоваться сведениями, которые ей удалось получить. Теперь японцы сумели, тем или другим путем, проделать войну за непроницаемой ширмой, недоступной для проникновения через нее самому острому зрению и самому смелому предприятию. Это они совершили частью путем неумолимо строгой цензуры, частью вследствие исключительного самоотречения и патриотизма японского народа. В случае войны другие нации вряд ли откажутся от попытки приобрести такое же преимущество тем же самым путем» [7, С.21].

Проводимые японцами систематически в течение полугодовой войны меры цензуры указывали многим государствам на возможность их практического осуществления в таком виде. А достигнутые таким образом японцами результаты, в смысле влияния на мировое общественное мнение, укрепления духа войск и нации, на дезинформацию противника и невозможность его разведке с помощью печати добывать необходимую информацию, показали целесообразность их. Отсюда во многих армиях, в том числе и в русской, был сделан вывод: дело цензуры в будущих войнах должно быть поставлено на таких твердых основаниях, дабы создать в этом направлении противнику действительное препятствие.

В секретной записке, составленной цензурным отделением штаба А. И. Куропаткина в конце Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, подчеркивалось, что, «принимая меры для разведывания о противнике, необходимо в то же время защищаться от тех же действий с его стороны, поэтому меры цензуры должны приниматься одновременно с разведкой и составлять такую же естественную принадлежность борьбы, как щит в древнем вооружении воина и как зарывание в землю и маскировка во всех видах боевой обстановки — в войнах настоящего времени» [1, С. 201].

Еще авторы этой записки, в числе которых был руководитель цензорского отдела при штабе главнокомандующего полковник Е. Ф.

Пестич, отмечали, что легкость поведения цензурных мер далеко не одинакова при разных условиях войны. Цензура значительно облегчается: в войне популярной и «подготовленной в умах населения и армии»; при устойчивом и твердом внутреннем состоянии страны; при успешных боевых действиях. Эти условия значительно примиряют население и армию с необходимостью цензуры, как прессы, так и частной корреспонденции. При обратных обстоятельствах наоборот развивается нетерпимость в отношении цензуры, стремление к разоблачению и критике [3]. В дальнейшем войны и конфликты XX века дали достаточно много убедительных примеров в точности этих выводов русских военных цензоров.

Список источников и литературы

1. Военная энциклопедия в 18 т. / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1911 – 1915. С. 201.
2. Военные секреты // Новое время. 1905. №10536.
3. Волковский Н. Л. История информационных войн. В 2 ч. СПб., 2003.
4. Новое время. 1905. 4 февраля.
5. РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 4, л.50.
6. РГИА, ф.1358, оп. 1, д. 107, л. 129.
7. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. Харбин, 1905.
8. Русско-японская война. 1904 – 1905. Т. VII. Ч. 3. С. 36.
9. Табурно И. П. Правда о войне. СПб., 1907. С. 8.
10. New York Tribune. 1905. 02 . 07.
11. Frankfurter Zeitung. 1902. 02 . 07.
12. Der Ostastische Llooyd. 1905. 07. 07.